

Слава

Автор:

Даниэль Кельман

Слава

Даниэль Кельман

Шорт-лист (АСТ)

Знаменитый актер утрачивает ощущение собственного Я и начинает изображать себя самого на конкурсе двойников. Бразильский автор душеспасительных книг начинает сомневаться во всем, что он написал. Мелкий начальник заводит любовницу и начинает вести двойную жизнь, все больше и больше запутываясь в собственной лжи. Офисный работник мечтает попасть в книжку писателя Лео Рихтера. А Лео Рихтер сочиняет историю о своей возлюбленной. Эта книга – о двойниках, о тенях и отражениях, о зыбкости реальности, могуществе случая и переплетении всего сущего. Где отражения, а где действительность? Этого не знает никто. «Мы все всегда пребываем в какой-то истории. Истории в истории в истории», – говорит Лео Рихтер.

Даниэль Кельман

Слава

Daniel Kehlmann

Ruhm

Серия «Шорт-лист»

Перевод с немецкого Татьяны Зборовской

Издание публикуется с разрешения издательства Rowohlt Verlag GmbH

Copyright © 2013 by Rowohlt Verlag GmbH, Reinbek bei Hamburg, Germany ©
Зборовская Т., перевод, 2018 © ООО «Издательство АСТ», 2018

Голоса

Не успел Эблинг дойти до дома, как у него зазвонил мобильный. Много лет Эблинг отказывался обзавестись сотовым телефоном – сам он как человек, работающий с техникой, всяким таким вещам не доверял. Отчего же никого не смущает, что они подносят к голове источник агрессивного излучения? Но у Эблинга была жена, двое детей и горстка коллег, и кто-нибудь непременно да жаловался, что его никогда нет на связи. Наконец Эблинг капитулировал, купил себе телефон и попросил продавца прямо на месте подключить его. И был впечатлен, несмотря на весь свой критический настрой: как ни крути, а устройство было просто идеальным – эргономичной формы, гладкое, изящное. И тут вдруг ни с того ни с сего оно решило зазвонить.

Посомневавшись, Эблинг нажал на кнопку.

Женский голос потребовал некоего Рафа – а может, Ральфа или Рауфа, он толком не разобрал.

– Вы ошиблись, – сказал Эблинг. – Ошиблись номером.

Дама извинилась и повесила трубку.

Вечером снова зазвонил телефон.

– Ральф! – хрипло заорал какой-то мужчина. – Ну ты как? Ты чего? Что там у тебя, ты, свинья тупая?

– Вы ошиблись, – произнес Эблинг, присев в постели. Шел одиннадцатый час, и жена глядела на него с упреком.

Мужчина извинился, Эблинг отключил телефон.

К утру ему оставили три сообщения. Эблинг прослушал их в электричке по дороге на работу. Какая-то женщина, хихикая, просила ей перезвонить. Мужской голос громко и требовательно требовал явиться немедленно, потому что дольше ждать они не собираются; на заднем плане слышалась музыка и звон бокалов. Затем вновь звонила женщина, спрашивала: «Ральф, да где ж тебя носит?»

Вздыхнув, Эблинг позвонил в службу поддержки.

– Очень странно, – скучающим голосом ответила ему дама на проводе. – Такого в принципе не могло произойти. Никому никогда не продадут номер, уже присвоенный другому клиенту. От подобных случаев абонент гарантированно застрахован.

– Но произошло же!

– Никак нет, – повторила дама. – Это невозможно.

– И что вы намерены делать?

– Не имею понятия, – ответила она. – Такого не может быть, потому что быть не может.

Эблинг раскрыл было рот, но, подумав, закрыл обратно. Он понимал, что другой на его месте страшно возмутился бы – но ему возбуждаться было несвойственно, этим его обделила судьба. Он нажал на сброс.

Не прошло и пары секунд, как телефон вновь зазвонил.

– Ральф! – обратился к нему мужчина.

- Нет, это не он.

- Чего?

- Этот номер не... Его просто по ошибке... В общем, вы ошиблись.

- Но это телефон Ральфа!

Повесив трубку, Эблинг сунул мобильник в карман куртки. Городская электричка снова была набита битком – а значит, сегодня он опять вынужден был ехать стоя. С одной стороны к нему прижималась толстая тетка, с другой – усатый мужчина, глядевший на него, словно на заклятого врага. Эблинга многое в его жизни не устраивало. Его раздражало, что жена такая рассеянная, что она читает такие глупые книжки и ужасающе готовит. Удручало, что сын не блистал интеллектом, а дочь, казалось, была совсем чужим человеком. Мешало, что сквозь тонкие стены постоянно доносится храп соседа. Но больше всего его угнетали поездки в общественном транспорте в часы пик. Вечно эти набитые битком электрички, вечно эта теснота, и не было еще такого случая, чтобы от соседей приятно пахло.

Но работа Эблингу нравилась. Он и несколько десятков коллег сидели в ярком свете ламп и инспектировали бракованные компьютеры, которые со всей страны присылали им продавцы. И он знал, сколь хрупки были эти маленькие мыслящие пластинки, сколь сложны и загадочны. Никто в точности не знал, как они устроены, не мог по-настоящему объяснить, отчего они вдруг переставали работать или начинали себя как-то странно вести. Причин давно уже никто не искал; они просто заменяли детали до тех пор, пока машина не начинала вновь функционировать. Эблинг частенько пытался себе представить, как многое в мире зависит от этих вот аппаратов – тех самых аппаратов, о которых ему было прекрасно известно: если они и впрямь выполняют то, что от них требуется, то это практически чудо, исключение из правил. Вечерами, в полусне, такие мысли – обо всех этих самолетах, электронно управляемом оружии, банковских серверах – вызывали у него беспокойство, порой столь сильное, что сердце начинало тревожно биться. Тогда Эльке раздраженно спрашивала, отчего ему не лежит спокойно (с тем же успехом она могла бы делить ложе с бетономешалкой!), а он извинялся и про себя вспоминал, что еще мама ему говорила: он слишком впечатлительный.

Когда Эблинг вышел из электрички, телефон снова зазвонил. Это была Эльке с просьбой вечером по пути домой купить еще и огурцов: в универмаге на их улице они нынче шли особенно дешево.

Пообещав зайти за огурцами, Эблинг поспешил распрощаться с женой. Телефон тут же зазвонил вновь, и женский голос поинтересовался, хорошо ли он обо всем подумал: пренебрегать такой, как она, может только полный идиот. Или, может, он на этот счет другого мнения?

- Нет, - ответил он, не раздумывая. - Я именно такого мнения.

- Ральф! - расхохоталась она.

Сердце Эблинга стучало, в горле у него пересохло. Он нажал на отбой.

Всю дорогу до офиса он чувствовал себя растерянно и беспокожно. По всей видимости, тембр голоса предыдущего владельца номера был очень схож с его собственным. Он вновь попытался позвонить на горячую линию.

Дама на проводе ответила, что, увы, присвоить ему другой номер невозможно - только за дополнительную плату.

- Но этот номер принадлежит кому-то другому!

- Это невозможно, - ответила дама. - От этого клиент...

- Гарантированно застрахован, я знаю! Но мне постоянно звонят и спрашивают... Знаете, я и сам техник. И понимаю, что вам постоянно звонят люди, совершенно не понимающие, как все это работает. Но я все-таки специалист. Я знаю, как...

- Ничего не могу поделать, - сообщил голос. - Я передам ваше обращение в службу.

- И что? Что потом?

- Потом будет видно, - отрезала дама. - За это не я отвечаю.

Всю первую половину дня Эблинг никак не мог сосредоточиться на работе. Руки его дрожали, есть в обеденный перерыв совершенно не хотелось, хотя в столовой давали венские шницели. Шницели случались редко, и обычно Эблинг радостно поджидал их еще накануне. Но в этот раз он вернул на стеллаж поднос, едва тронув свою порцию, а сам отсел в дальний угол и включил телефон.

Три новых голосовых сообщения. Дочь просила забрать ее из танцкласса. «Удивительно», – подумал Эблинг. Он даже и не знал, что та занимается балетом. Какой-то мужчина просил ему перезвонить; кому была адресована эта просьба, самому Эблингу или кому-то еще, было неясно. Наконец, некая женщина интересовалась, куда это он запропастился. Ее глубокий, мурлычущий голос был ему совершенно незнаком. Только он собрался снова отключить сотовый, как тот опять зазвонил. Номер начинался с «+22». Что это была за страна, Эблинг тоже не знал. Знакомых за границей у него не было – только кузен в Швеции и одна полная пожилая дама в Миннеаполисе, каждый год славшая ему к Рождеству фотографию, на которой она, ухмыляясь, поднимала бокал. «За моих дорогих Эблингов!» – традиционно значилось на обратной стороне. Ни он, ни его жена толком не знали, чья она была родственница. Эблинг решил принять вызов.

– Ну как, увидимся в следующем месяце? – спросил какой-то мужчина. – Ты ведь поедешь на фестиваль в Локарно? Ральф, они без тебя не справятся. Только не при нынешних обстоятельствах. Ты же это понимаешь?

– Видимо, буду, – ответил Эблинг.

– Ох уж этот Ломан. От него можно было ожидать! Ты не говорил с коллегами из «Дегетеля»?

– Пока нет.

– А пора бы уже, пора! Поездка в Локарно нам бы очень помогла, как и три года назад в Венецию, – рассмеялся мужчина. – Как у тебя вообще? Что, все-таки Карла?

– Ага, – ответил Эблинг.

– Ну и свинья же ты, старик, – сообщил собеседник. – Поверить невозможно!

– Вот и я того же мнения, – ответил Эблинг.

– Ты что, простужен? Голос у тебя какой-то странный.

– Я просто... сейчас занят кое-чем. Я перезвоню.

– Ладно, не переживай. Ты, похоже, неисправим – да, старик? – ответил мужчина и повесил трубку.

Прислонившись к стене, Эблинг потер лоб. Ему нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя и вновь осознать, что вокруг столовая, а рядом коллеги поедают шницели. Мимо прошел Роглер с подносом в руках.

– Приветствую, Эблинг, – бросил он. – Все в порядке?

– Еще бы, – ответил тот и выключил телефон.

Во второй половине дня вид у него был отсутствующий. Вопрос, какая именно деталь была неисправна и каким образом могли возникнуть те неполадки, что отметил продавец на листке неисправностей (записи с трудом поддавались расшифровке: «Клиент сообщил, что нажал ресет, потому что откл. рядом с дисплеем, потом ничего не показ.»), его сегодня просто не волновал. Вот, оказывается, что это было за чувство – радостное ожидание.

Он растягивал удовольствие. Не включал телефон, пока ехал в электричке домой, не включал, пока покупал в супермаркете огурцы. Телефон спокойно лежал в кармане, пока он сидел за ужином с Эльке и двумя детьми, пинавшими друг друга ногами под столом. Но все это время Эблинг думал о нем не переставая.

Потом он спустился в подвал. Пахло сыростью, в одном углу стояли один на другом ящики с пивом, в другом – временно разобранный шкаф из «Икеи». Эблинг включил телефон. Два сообщения по голосовой почте. Но не успел он их прослушать, как телефон вновь задрожал: кто-то звонил.

- Слушаю.

- Ральф!

- Слушаю!

- Это что такое? - расхохоталась она. - Ты что, играешь со мной?

- В жизни не стал бы.

- А жаль!

Рука его задрожала.

- Ты права. Вообще-то я с удовольствием бы... С тобой...

- Так-так?

- Поиграл.

- Когда?

Эблинг оглянулся. Подвал этот он знал как свои пять пальцев, и даже лучше. Каждый из лежавших в нем предметов он принес сюда сам.

- Завтра. Скажи, где и когда. Я буду.

- Ты это серьезно?

- Вот сама и выясни.

На том конце он услышал глубокий вдох.

- В «Пантагрюэле». В девять. Бронь на тебя.

– Будет сделано.

– Но ты ведь понимаешь, что мы поступаем неразумно?

– А кого это волнует? – ответил Эблинг вопросом на вопрос.

Вновь расхохотавшись, она повесила трубку.

Той ночью он впервые после долгого перерыва прикоснулся к жене. Вначале она пришла в растерянность, затем спросила, что на него нашло и не пил ли он, но потом поддалась. Продлилось это недолго, но, пока он лежал на ней, ему казалось, что они заняты чем-то непристойным. Эблинг почувствовал, как ее рука колотит его по плечу: она задыхалась. Он извинился, но прошло еще несколько минут, прежде чем он выпустил ее и скатился на бок. Включив свет, Эльке укоризненно взглянула на него и удалилась в ванную.

Разумеется, ни в какой «Пантагрюэль» он не пошел и телефон на следующий день не включал, а в девять вечера смотрел с сыном по телевизору футбол; играла вторая лига. По телу его словно пробежали электрические разряды – чувство было такое, будто его двойник, представитель его самого в иной вселенной, в этот момент посещал дорогой ресторан, встречался с высокой, красивой женщиной, ловившей каждое его слово, смеявшейся его остроумным выпадам и то и дело будто нечаянно касавшейся его руки своей рукой.

Во время перерыва он спустился в подвал и включил телефон. Новых сообщений не приходило. Он подождал. Никто не звонил. Подождав полчаса, он выключил сотовый и пошел спать; делать вид, что его по-прежнему интересует игра, он был уже не в силах.

Сон не шел, и вскоре после полуночи он поднялся и босиком, в одной майке спустился опять в подвал. Включил телефон. Четыре сообщения. Но прежде чем он успел их прослушать, раздался звонок.

– Ральф, – сказал какой-то мужчина, – прости, что так поздно... Но дело важное. Мальцахер утверждает, что вы послезавтра встречаетесь. Проект под угрозой! Моргенгейм тоже обещал присутствовать. Ты ведь знаешь, что поставлено на кон!

- Какая мне разница, - ответил Эблинг.

- Ты что, с ума сошел?

- Вот и выясним.

- Нет, ты и впрямь сумасшедший!

- Моргенгейм блефует, - произнес Эблинг.

- А ты смелый человек, ничего не скажешь.

- Да, - ответил Эблинг. - Совершенно верно.

Только он было собрался включить автоответчик, как телефон снова зазвонил.

- Не стоило этого делать.

Голос ее звучал сдавленно и хрипло.

- Если б ты только знала, какой у меня был сегодня ужасный день.

- Не ври.

- Зачем мне врать?

- Ведь это все из-за нее! У вас ведь с ней... снова... наладилось, да?

Эблинг промолчал.

- Хотя бы признайся!

- Не говори глупостей!

Он задумался, какую из женщин, которых он знал теперь по голосам, та могла иметь в виду. Хотелось бы ему побольше знать о жизни Ральфа – ведь, в конце концов, в некоторой степени это была теперь и его жизнь. Чем он занимался, чем зарабатывал на жизнь? Почему кому-то доставалось все, а кому-то – ничего? Некоторым столько всего удавалось, а других преследовала неудача – но к личным заслугам это мало имело отношения.

– Прости, – тихо произнесла она. – С тобой иногда... бывает непросто.

– Знаю.

– Но ты... Ты не такой, как все.

– Хотелось бы мне быть как все, – произнес Эблинг. – Вот у меня это никогда не получалось.

– Значит, завтра?

– Завтра.

– Если ты опять не придешь, все будет кончено, так и знай.

Неслышно пробираясь наверх, Эблинг думал о том, существует ли Ральф на самом деле. Внезапно ему показалось совершенно невероятным, что где-то там он жил своей жизнью, занимался своими делами и ничего о нем, Эблинге, не знал. Возможно, судьба Ральфа была уготована ему свыше, а может, их жизни переплелись лишь по воле случая.

Вновь раздался звонок. Послушав лишь пару предложений, он рявкнул:

– Все отменить!

– Прошу прощения? – испуганно переспросила дама на проводе. – Но ведь он приехал специально, мы так долго работали над тем, чтобы эта встреча состоялась, чтобы...

– Я от него не завишу!

Интересно, о ком шла речь? Он бы многое отдал, чтобы это узнать.

– Еще как зависишь!

– Вот и посмотрим!

Его охватило доселе неведомое воодушевление.

– Если ты так считаешь...

– Да, именно так и считаю!

Эблинг с трудом мог удержаться от искушения поинтересоваться, о чем вообще шла речь. Он уже уяснил, что мог нести что угодно, если только не задавал никаких вопросов. Стоило ему о чем-нибудь спросить, как у собеседников сразу же возникали подозрения. Вчера та самая женщина, чей грубый голос ему так понравился, немедленно заявила, что он – не Ральф, стоило ему только попросить напомнить, как называлось то место в Андалузии, где они были летом три года тому назад. Видимо, таким образом ему ничего не удастся выяснить. Как-то раз он остановился у афиши нового фильма с Ральфом Таннером: на мгновение его посетила мысль, что у него мог оказаться номер известного актера, что вот уже неделю он общался именно с его друзьями, коллегами и любовницами. Голова у Эблинга пошла кругом. Исключать такую вероятность тоже было нельзя: голоса у них и впрямь были похожи. Но затем, покачив головой и усмехнувшись, Эблинг побрел дальше. В любом случае, долго это продлиться не могло. Он не тешил себя иллюзиями: рано или поздно ошибку должны были исправить, и тогда телефон умолкнет.

– А, это снова ты. Я не мог встретиться с тобой в «Пантагрюэле». Она ко мне вернулась.

– Кто, Катя? Ты хочешь сказать... вы снова вместе?

Кивнув, Эблинг записал имя на бумажке. Он предполагал, что женщину, с которой он говорил в тот момент, звали Карла, но не располагал достаточным количеством улик, чтобы рискнуть обратиться к ней по имени. Жаль, что нынче все уже утратили привычку представляться по телефону: поскольку номер

высвечивался на экране, звонящий исходил из того, что собеседник уже в курсе, кто его беспокоит.

– Я тебе этого не прощу.

– Мне очень жаль.

– Чушь! Тебе ни капельки не жаль!

– Что ж, – усмехнувшись, Эблинг облокотился о стенку разобранного шкафа. – Может, и нет. Она просто потрясающая.

Собеседница принялась кричать на него, проклинать, угрожать, затем расплакалась. Но поскольку всю эту кашу заварил не он, а Ральф, Эблинг мог ни о чем не переживать. Он слушал ее, а сердце у него колотилось. Еще никогда в жизни он не был так близок со столь волнительной женщиной.

– Возьми себя в руки! – строго сказал он. – Ты прекрасно знаешь, ничего бы не вышло!

После того как она бросила трубку, он еще некоторое время стоял и его слегка пошатывало от волнения. Эблинг вслушивался в тишину, словно пытаясь уловить далекие всхлипы Карлы.

На кухне он встретил жену – и замер от удивления. На мгновение Эльке показалась ему пришельцей из другого мира, из какого-то сна, не имевшего ничего общего с реальной жизнью. Той ночью он вновь притянул ее к себе, а она, поколебавшись, снова поддалась. Лежа на ней, он представлял себе Карлу, совершенно беспомощную от желания.

На другой день, оставшись дома один, он впервые попробовал перезвонить на один из тех номеров, с которых с ним пытались связаться.

– Это я. Просто хотел поинтересоваться, все ли в порядке.

– Кто мне звонит? – спросил в ответ мужской голос.

– Это Ральф!

– Какой еще Ральф?

Эблинг быстро повесил трубку и набрал кому-то еще.

– Боже, Ральф! Я вчера пытался тебе... Пытался... Я...

– Помедленней! – произнес Эблинг, разочарованный тем, что на том конце провода вновь оказался мужчина. – В чем дело?

– Я так больше не могу.

– Ну так завязывай с этим.

– Выхода нет.

– Выход есть всегда, – не смог сдержать зевоту Эблинг.

– Ральф, ты что, хочешь сказать, что я... должен наконец за все поплатиться? Что надо идти до конца?

Эблинг принялся переключать каналы, но и тут ему не везло: по каждому либо играли разную народную музыку, либо показывали стругавших столешницы столяров и повторы сериалов восьмидесятых годов. Унылый репертуар для тех, кто после обеда дома. Почему он вообще смотрел телевизор, почему был дома, а не на работе? Могло быть так, что он просто забыл на нее пойти?

– Я проглочу целую пачку, так и знай!

– Валяй, глотай, – Эблинг потянулся за книгой, лежавшей на столе. Мигель Ауристус Бланкус «Путь Я к самому себе». Солнечный диск на обложке. Это его жена такое читала; Эблинг с отвращением отложил книгу в сторону.

– Тебе всегда везет, Ральф. Вечно все тебе достается. Ты не имеешь понятия, каково это – быть вечно вторым. Одним из многих. Человеком третьего сорта.

Тебе это неведомо!

- Да, верно.

- Я сделаю это, я не шучу!

На случай, если несчастный вздумает ему вдруг перезвонить, он отключил телефон.

Той ночью ему снились зайцы. Большие зайцы. Смотреть на них было неприятно: они лезли из густого подлеска, больше напоминали грязных оборванцев, чем милых мультяшных созданий, и пялились на него горящими глазами. Позади в зарослях что-то хрустнуло; он обернулся, но стоило ему пошевелиться, как все рухнуло, окружавшая его действительность рассеялась, и он услышал, как Эльке бурчит, что хочет, наконец, свою собственную спальню – нельзя же, в самом деле, так громко сопеть.

Начиная со следующего дня телефон молчал. Эблинг прислушивался, ждал, но тот и не думал звонить. Когда наконец в начале рабочего дня раздался звонок, на проводе был всего-навсего его шеф, интересовавшийся, почему сотрудника уже второй день нет на работе, не нужно ли ему что и не затерялся ли где-нибудь в пути его бюллетень. Эблинг извинился, в подтверждение своих слов покашлял, но как только услышал от начальника, что ничего страшного в том нет, со всеми случается, волноваться не стоит, он все-таки заслуженный работник и в коллективе знают ему цену, на глазах у него выступили слезы ярости.

На другой день он доломал три компьютера, а на одном установил жесткий диск так, чтобы ровно месяц спустя все данные на нем удалились сами собой. Телефон молчал.

Пару раз он был близок к тому, чтобы набрать какой-нибудь номер. Палец его лежал на кнопке, и Эблинг думал о том, что одно лишь мгновение отделяет его от возможности вновь услышать один из тех голосов. Будь он более решительным, наверное, нажал бы кнопку. Или подпалил бы что-нибудь. Или отправился на поиски Карлы.

По крайней мере, на обед опять давали венские шницели. Второй раз за неделю – редкостное везение. Напротив него сидел Роглер и сосредоточенно жевал.

– Эта новая модель, «Е-14», – с ней с ума сойти можно, – с набитым ртом проговорил он. – В ней еще ничего не отлажено. Кто себе такое покупает, сам виноват.

Эблинг кивнул.

– Но что поделаешь? – воскликнул Роглер. – Все-таки она новая! И я тоже такую хочу. В конце концов, выбирать-то не из чего.

– Верно, – согласился Эблинг. – Не из чего.

– Эй, – окликнул его Роглер. – Прекрати пялиться на свой мобильник.

Вздрагнув, Эблинг сунул сотовый в карман.

– Еще недавно ты и покупать-то его не хотел, а теперь без телефона шагу ступить не можешь. Но ты расслабься, нет на свете такого количества срочных дел, – Роглер на мгновение умолк, сглотнул и отправил в рот еще кусок шницеля. – Не пойми меня неправильно, но кто тебе вообще будет звонить?

В опасности

– В этом романе нет главного героя! Понимаешь? Есть композиция, есть связи, рамочная конструкция, но одного персонажа, проходящего сквозь все повествование, того самого героя, нет.

– Любопытно, – устало произнесла Элизабет.

Он взглянул на часы.

– Почему рейс снова задерживается? Вчера тоже вылетели с опозданием. Чем они там вообще заняты? Почему вечно случаются проволочки?

– Случаются, и все.

– Глянь-ка! Вон тот мужчина – вылитый пес на задних лапах!.. Но откуда только берутся эти задержки? Что, нельзя хотя бы раз, эксперимента ради, просто взять и вылететь вовремя?

Она вздохнула. В зале ожидания томилось более двух сотен человек. Большинство дремало, кто-то читал дурно отпечатанные газеты. Со стены улыбался бородатый политик, запечатленный под пестрым флагом. В киоске продавались журналы, детективы, сборники советов по улучшению жизни от Мигеля Ауристуса Бланкуса и сигареты.

– Как ты думаешь, летать этими самолетами вообще безопасно? То есть, я хочу сказать, парк, который они закупают в Европе, уже довольно старый. Ведь ни для кого не секрет, что у нас им вообще не разрешили бы вылет, верно?

– Верно.

– Что, прости?!

– Верно, это ни для кого не секрет.

Лео потер лоб, откашлялся, открыл было рот, потом снова закрыл. Громко высморкался. Посмотрел на нее. На глазах блеснули слезы.

– Это шутка?

Она ничего не ответила.

– Им следовало предупредить меня заранее! Да они вообще не могли меня приглашать в таком случае – то есть, я хочу сказать, на этот счет что, вообще нет никаких правил? Не могут же они приглашать меня, если это небезопасно!.. Видишь вон ту женщину? Она что-то пишет. Что? И зачем?.. Скажи, что это была просто шутка. В реальности ими летать не опасно, да?

- Да, да, - ответила она. - Бояться нечего.

- Ты это говоришь, только чтобы меня успокоить!

Она прикрыла глаза.

- Вот-вот, я же знал. Я же вижу. Погляди-ка туда! Будь все это просто выдумкой, мы были бы членами вон той группы, и перед самым отлетом нас бы просто забыли. Кто знает, что бы тогда произошло!

- И что бы тогда произошло? Мы просто вылетели бы следующим рейсом.

- Если таковой вообще существует!

Элизабет промолчала. Она бы охотно задремала сама, было раннее утро, но она понимала, что до прибытия на место он не даст ей и глаз сомкнуть. Придется всю дорогу объяснять ему, что летать самолетом не опасно и не стоит бояться, что он упадет. Потом на ее плечи ляжет забота о багаже, потом ей придется договариваться в гостинице, чтобы еду подали в номер - причем еду такую, что устроила бы даже Лео с его инфантильными пристрастиями. А ближе к вечеру Элизабет еще предстояло удостовериться, что Лео будет готов к тому моменту, когда его заберут и поведут читать доклад.

- Кажется, началось! - воскликнул он.

Впереди, у выхода из зала, девушка заняла место за одной из стоек. Несколько человек привстало с мест; подхватив ручную кладь, они поплелись к стойке.

- Это долгий процесс, - сообщила Элизабет.

- Мы опоздаем на рейс!

- Они ведь только начинают регистрацию. Еще полчаса впереди.

- Они улетят без нас!

– С какой стати им...

Но Лео уже подскочил и поспешил занять место в очереди. Скрестив на груди руки, она глядела, как его худощавая фигура медленно продвигается вперед. В конце концов подошла его очередь. Лео предъявил посадочный талон и исчез в коридоре трапа. Она не спешила. Прошло пятнадцать, двадцать, тридцать минут, а очередь все не кончалась. Наконец, когда не осталось больше ни одного пассажира, она встала с места – и через несколько секунд уже была в салоне. Протиснувшись по узкому проходу, Элизабет заняла место рядом с ним.

– Как ты можешь так со мной поступать! Я думал, ты не придешь. Уже начал придумывать, что бы такое сделать, чтобы самолет не взлетел, но тут ведь никто меня не понимает – я даже объяснить ничего не могу!

Она извинилась.

– Нет, я серьезно. Это все и так стоит мне кучи нервов, не могу же я еще и... Видела двоих детей впереди? Это ужас просто. Особенно та маленькая девчонка. Зеленоглазая! Они одни летят, без родителей.

– Надо же, – ответила она.

Лео пристально взглянул на нее.

– Я просто невыносим, – произнес он. – Да?

– В общем, да.

– Я совершенно несносен!

Она покачала головой.

– Если тебе хочется домой, я все могу понять. Разумеется, я тогда тоже полечу обратно. Без тебя я бы не справился. Все это с самого начала было ошибкой, мне не стоило соглашаться, ни в коем случае, – как глупо с моей стороны! Может, повернем назад? Прямо сейчас?

– Прошу тебя, помолчи. Хоть пятнадцать минут.

Он умолк – и действительно, ему удалось взять себя в руки и в течение десяти минут, пока самолет разогнался, взлетал и набирал высоту, не произнести ни слова.

Они познакомились шесть недель тому назад, на одной особенно скучной вечеринке, разговорились, и лишь спустя какое-то время Элизабет стало ясно, что этот странный, но остроумный мужчина, вечно потирающий руки и обращающий свой блуждающий взор куда-то в потолок, был не кто иной, как Лео Рихтер, писатель, сочиняющий запутанные рассказы, изобилующие зеркальными конструкциями и неожиданными поворотами, – блестящие, хоть и слегка стерильные. Она как раз незадолго до того прочла его истории о докторе Ларе Гаспар и, разумеется, была знакома с самым известным сочинением Рихтера – о пожилой даме и ее путешествии в швейцарскую клинику, в которой проводят эвтаназию. На другой день они встретились вновь, и уже вечером она вошла в его квартиру – обстановка там царила спартанская. Но в постели Лео проявил неожиданную настойчивость, к которой она была не готова. Она бороздила ногтями его спину, закатывала глаза, впивалась зубами ему в плечо, а несколько изнурительных часов спустя, ранним утром, пока ехала домой, Элизабет поняла, что хочет увидеться с ним еще раз – и что, возможно, ему даже найдется место в ее жизни.

За прошедшие полтора месяца она успела познакомиться со всеми сторонами его характера: приступами тревоги и страха, эйфорией, временами охватывающей его совершенно без причины, и периодами глубокой сосредоточенности, во время которых он, казалось, терялся в самом себе и, когда она обращалась к нему, смотрел на нее так, словно не мог понять, как она вообще оказалась рядом.

Лео, в свою очередь, был под впечатлением от ее профессии. Неужто она и впрямь во время работы с «Врачами без границ» прыгала с парашютом? Что, с настоящим парашютом? Да к тому же еще и в зоне военных действий?

Тут она обычно старалась сменить тему. Элизабет понимала, что любопытство – часть его природы и его ремесла, но были темы, которые она просто не хотела обсуждать. Всякому, кто не испытал этого на себе, ее слова могли показаться пустыми, то есть не более чем болтовней; нет, не было таких слов, что сумели бы описать, каково это на самом деле. Каково это – за несколько метров до

посадки в поджидающий вертолет потерять пациента, которому перед этим сама ампутировала обе ноги, причем в условиях нехватки обезболивающего, а потом тащила на себе по полям, над которыми воздух дрожал от жары. Каково это – когда все усилия оказываются напрасными и лишь по пути назад замечаешь, что события последних дней частично стерлись из памяти. Что в ней остались пробелы, словно ей довелось пережить нечто столь жуткое и необъяснимое, что никак не вписывалось в окружающую действительность, а потому и запоминать голова отказывалась. Как она могла это описать? Еще много лет тому назад один пожилой доктор сказал ей: «Кто ничего не пережил – хороший рассказчик; стоит многое пережить, как делиться вдруг становится нечем». Но Элизабет знала, что Лео о многом догадывался. У нее была та же профессия, что и у его героини, Лары Гаспар, возраста они тоже были одного, и если постараться припомнить не изобилующие подробностями описания Лариной внешности, можно даже было сказать, что они похожи. Наверняка Лео еще и поэтому ей увлекся. Элизабет то и дело замечала, как он следит за ней с почти что исследовательским пристрастием, шевеля губами, словно подмечая что-то.

Пару недель назад он читал доклад в Академии наук и литературы в Майнце, в котором заявлял, что культура действительно приходит в упадок, но сокрушаться не стоит: когда человечество избавится от ненужного бремени знаний и традиции, ему станет легче жить. Настанет эпоха образов, ритмичного шума и мистического транса, зависания в бесконечном настоящем – благодаря могуществу техники воплотится религиозный идеал. Никто толком не понял, говорил он это всерьез или с иронией, был он консерватором или нигилистом, но именно поэтому текст выступления решили напечатать. Посыпались комментарии, и германские культурные институты по всему миру принялись приглашать его выступить. Что-то на него, видно, нашло, и Лео Рихтер поддался на уговоры отправиться в поездку по странам Центральной Америки, а когда он предложил Элизабет сопровождать его, та, к собственному изумлению, без раздумий согласилась.

Незадолго до посадки он забылся беспокойным сном. От мыслей о том, что их вскоре ожидает, Элизабет содрогнулась. В последний раз при виде директора института, облаченной в толстый шерстяной свитер, его одолела такая неприязнь, что он еще в аэропорту впал в настоящий ступор. В машине он ехал молча, стиснув зубы, и, когда их тормознул полицейский, даже схватил сидевшую рядом Элизабет за руку. Разумеется, ничего страшного не произошло, их тут же пропустили, но к тому моменту, как они добрались до гостиницы, взмокший Лео от отчаяния пребывал в полнейшей протрации. Всю вторую

половину дня он просидел, закрывшись в их двухместном номере; вечером пришлось выступить в плохо освещенном помещении перед двадцатью семью земляками, а затем директриса настояла на том, чтобы отвезти их в единственную в городе пиццерию – только чтобы расспросить, как ему в голову приходят такие идеи и предпочитает ли он работать по утрам или после обеда. После этого он полночи бегал взад-вперед по комнате, стенал, клял свою судьбу, пока они наконец не упали на постель, сжимая друг друга в объятиях – больше от отчаяния, чем в порыве страсти. В пять утра ее разбудил звонок на мобильный, и она узнала, что в Африке похитили троих ее ближайших коллег.

– Видела? – проснувшись, Лео тронул ее за плечо и указал наружу через стекло иллюминатора. – Похоже на огромный мираж. Доску с парой сотен прикрученных лампочек. Может, мы и не летим вовсе, а может, мы вообще не здесь, а это все – ловкий обман. Кстати, что мы будем делать, если нас никто не встретит? Есть у меня такое предчувствие – а интуиция меня обычно не подводит. Вот увидишь.

Их поджидала дама из германского культурного института по фамилии Раппенцильх в толстом шерстяном свитере и с выпирающими вперед зубами. Она тут же заинтересовалась, как ему в голову приходят такие идеи. Элизабет тем временем прослушивала автоответчик на телефоне. От страха она чувствовала себя опустошенной.

Они сидели в авто. За окном в бледных лучах утреннего солнца мелькали маленькие квадратные домики столицы, вывески магазинов, под ними – пожилые женщины с фруктовыми корзинами, над ними в небе – желтоватый дым расположенных поодаль фабрик.

Прибыв в гостиницу, Элизабет позвонила в центральный офис в Женеву. Оттуда ее коллега Мориц, все еще сидевший за рабочим столом, хотя по местному времени было уже далеко за полночь, сообщил, что понять истинное положение дел пока не удастся. ООН ничем помочь не может; можно предположить, что в происходящем замешано правительство. Разве не приходилось им иметь дело непосредственно с госсекретарем, когда они были там два года тому назад?

– О да, – голос ее эхом отражался от кафеля на стенах ванной. – Один из худших, какие только бывают.

- Плох он или нет, но, судя по обстоятельствам, ты – наш единственный способ держать связь.

Она вернулась в комнату. На постели сидел Лео, глядя на нее с укоризной. Эта Раппенцильх! А эти ее зубы! А нынче вечером опять выходить на сцену – сил больше нет! Он включил телевизор. Показывали марширующих солдат, лицо какого-то политика, затем опять солдат. Покачав головой, Лео принялся рассуждать о метафизическом ужасе, который внушает подобная картина: о том, что чувствуешь себя в западне, что этот уголок планеты – своего рода ад на земле, что подсознательно начинаешь сомневаться, выберешься ли отсюда когда-нибудь. Надо быть сумасшедшим, чтобы отправиться сюда добровольно.

- Глянь-ка, они даже в ногу ходить не умеют! А зубы! Ты видела ее зубы?

- Чьи?

- Да этой Раппенцильх!

Она вернулась в ванную, чтобы поговорить. Лео ничего не должен был знать, случившееся необходимо было держать в тайне. Неизвестно, вдруг он проболтается. Она набрала номер одного из подчиненных того самого государственного секретаря одной африканской страны, с которым ее свела судьба несколько лет назад при весьма неприятных обстоятельствах. Связь установилась только с шестой попытки. Гудок звучал непривычно, качество звука было посредственным. «Посмотрим, что можно сделать», – ответил мужчина. Она рассыпалась в благодарностях и, повесив трубку, попыталась побороть желание свернуться калачиком на полу. Под ложечкой сосало, в голове пульсировала боль.

Когда Элизабет вернулась в комнату, Лео висел на проводе и на кого-то кричал.

- Так не пойдет! Нельзя со мной так обращаться! Я не позволю!

Бросив трубку, он с торжествующим видом повернулся к ней.

- Это был Рёбрих.

Кто такой Рёбрих, она не имела представления, но, судя по тому, с какой интонацией Рихтер произнес его имя, он был важный человек в литературных кругах.

– Та премия, помнишь? Они мне ее уже почти пообещали, а теперь собираются отозвать только потому, что я не желаю, чтобы речь на вручении произносил Эльдрих! Но так дело не пойдет! Пусть они с каким-нибудь Ренке или Мёрзамом так себя ведут, но только не... Глянь-ка, какое небо! Солнечные лучи пляшут по облакам промышленных газов, словно это не грязь, а что-то хорошее. В контражуре все кажется прекрасным. Ну, в любом случае, я ему ответил, чтобы он и думать об этом забыл. Если хочет на следующий год видеть меня в жюри, играть придется по моим правилам!

Элизабет опустилась на кровать. Год тому назад они с Карлом, Генри и Паулем были в Сомали. В последний день Карл признался ей, что долго не выдержит, что нервы его вконец расшатаны, да и душа не на месте. Что же с ними сейчас происходит? В какой комнате без окон их заперли, что до них не мог достучаться ни один разумный человек? Она лежала не шелохнувшись, но вдруг нечаянно оказалась впутанной в беседу с четверьмя полицейскими, каким-то образом сливавшимися в одного – причем такого, которому ни в коем случае нельзя было дать неверный ответ. Человек этот тем временем расспрашивал ее о каких-то подробностях относительно событий далекого детства и заставлял решать сложные арифметические задачи – за каждый неправильный ответ кого-то убивали. На ее плечо легла рука. Вскрикнув, Элизабет подскочила.

– О том, что тебе снятся кошмары по ночам, я уже знаю. Но среди белого дня? Ты всхлипывала, как дитя.

Она ответила, что ничего не помнит. Он внимательно посмотрел на нее, и, чтобы спастись от его пристального взгляда, она снова вернулась в ванную и встала под душ. Подставила голову под струи теплой воды и постаралась не думать ни о Карле, ни о Пауле, ни о Генри. В конце концов, они были взрослыми людьми и шли на риск совершенно сознательно. Это были мужчины, отлично ориентирующиеся в жизни, совершенно не такие, как... Да, они были вполне в состоянии о себе позаботиться.

Вернулась фрау Раппенцильх, чтобы их забрать. По дороге в институт она развлекала их историями об уличных нападениях и грабежах. В городе, по ее словам, было очень опасно. Взбудораженный, Лео достал блокнот.

В зале института собрались в ожидании тридцать два немца. Лео поднялся на кафедру. Как обычно, вся подавленность и обремененность тут же улетучились. Он стоял, выпрямив спину, и мудро рассуждал о варварстве и культуре, о шуме, о крови, об опасностях – Элизабет заметила, что под влиянием впечатлений, полученных за последние дни, он отклонился от заранее заготовленного текста. Даже когда он импровизировал, фразы его были составлены идеально, а вокруг столь плотно сгустилась энергия, что невозможно было отвести взгляд. Тут завибрировал ее сотовый, и она поторопилась выскочить в коридор.

Его высокопревосходительство, сообщил ей сотрудник аппарата государственного секретаря, не отказывает ей в беседе. Подробности станут известны на следующий день. Заверив собеседника в глубочайшем почтении, Элизабет перезвонила Морицу. Тот сказал, что к процессу подключилось министерство иностранных дел, но возлагать особые надежды на политиков не стоит, да и у немецкой разведки в этом регионе мало людей. Придется действовать самостоятельно.

Когда она вернулась, Лео как раз закончил. Зал аплодировал. Он подписал с десяток книг, три раза ответил на вопрос, как ему в голову приходят такие идеи. Спустя всего ничего фрау Раппенцильх, вдруг разнервничавшись и раскрасневшись, поторопила их к выходу. Генеральный консул ждет, прием уже начался!

– Почему они вечно задают мне этот вопрос? – шепотом поинтересовался он, когда они уже сели в машину. – Насчет того, как мне в голову приходят такие идеи? Что это вообще за вопрос такой, что мне на него отвечать?

– А что ты отвечаешь?

– В ванне.

– Что?

– Что они приходят мне в голову, когда я принимаю ванну. Им этого достаточно. Они даже рады. Эй, погляди вон туда! Там афиша с Ральфом Таннером. Повсюду этот Таннер! От него даже на другом конце земли не спрячешься. Мы с ним познакомились в том году. Та еще обезьяна! О, а это что? – он нагнулся вперед и

тронул фрау Раппенцильх за плечо. – Что это? Смотрите! Там что, кого-то грабят?

Фрау Раппенцильх обернулась, но они уже проехали, и скопления людей было не видать.

– Вполне возможно, – ответила она. – Такое здесь часто случается.

Лео что-то записал в блокноте.

Резиденция генерального консула располагалась на холме, возвышаясь над дрожащим морем огней большого города. Черное небо низко нависало над головой, на нем не было ни звездочки. Слуги в ливреях сновали туда-сюда с подносами; повсюду были одни только немцы – серьезные, с прямыми спинами, напряженными лицами, будто застывшие с бокалами в руках. Лео тут же окружило пятеро мужчин; она не могла не заметить, как Рихтер ищет ее взглядом. Глаза у него горели от ярости. Казалось, от него волнами исходила разрушительная энергия, настолько мощная, что ее должны были ощущать все присутствующие.

– В ванне, – как раз произносил он в этот момент. – Все, что мне когда-либо приходило в голову, посещало меня именно в ванне. Всякий раз.

Ей преградил путь худощавый мужчина и, протянув руку, произнес:

– Фон Штюкенброк. Очень приятно!

Элизабет понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что собеседник только что ей представился. Тем временем подошел второй и также произнес:

– Очень приятно, Беккер.

– Зейферт. «Маннесман», – произнес третий. – Я возглавляю местное представительство «Маннесмана».

И он пустился в рассуждения о том, как прочел недавно в поезде последнюю книгу Рихтера, следуя из Бебры в Дортмунд. Весьма любопытно, не правда ли?

– Весьма, – ответила она, пытаюсь выискать на его лице намек на иронию, на остроумную шутку, хоть на что-нибудь.

Штюкенброк поинтересовался, как такие идеи приходят в голову ее супругу.

– Кому? О, простите, он вовсе не... Когда он принимает ванну.

– Ах вот как! – промолвил Беккер.

Все трое наклонились поближе.

– Все его идеи, – пояснила Элизабет, – приходят ему в голову, когда он в ванне. Иначе не бывает.

– Возьму на заметку, – произнес Зейферт.

– Вы у нас в первый раз? – поинтересовался Беккер.

Она кивнула.

Беседа сошла на нет. Мужчины молча стояли рядом, закоснелые, словно мающиеся в темнице собственного я, завязанные внутри узлом, занесенные судьбой в совершенно отвратительное местечко вдалеке от их не менее отвратительного дома. Элизабет открыла было рот, но затем снова закрыла; сказать ей было нечего. Такое чувство, что она вынуждена была разговаривать со стиральными машинами, пожарными гидрантами или роботами, с которыми невозможно было найти общего языка. Тут зазвонил телефон. Впервые за несколько дней она испытала облегчение. Сделав извиняющийся жест, она поспешила наружу.

На проводе оказался всего-навсего журналист, откуда-то раздобывший ее номер и желавший знать, действительно ли ее коллег похитили.

– Не даю комментариев, – ответила она. – Но если вы подождете до завтра, возможно, мне будет что сообщить.

Он злобно поинтересовался, окончен ли на этом их разговор. Ведь больше она ничего не могла ему сообщить?

- На данный момент нет, - произнесла Элизабет. - Мне очень жаль.

Едва ступив на порог номера, Лео тут же начал жаловаться. Что же это за люди? Почему все вокруг такие тупые?

- Им непросто живется, - ответила она. - Ни у кого из них не задалась карьера. Они не там, где хотели оказаться. Или ты думаешь, что все они и впрямь мечтали сюда приехать?

Она отвернулась к окну. С фасада дома напротив на нее с афиши глядел Ральф Таннер. Лицо его было увеличено настолько, что, казалось, утратило все человеческое. Ей невольно вспомнился скандал, о котором она недавно где-то прочла: якобы в лобби какого-то отеля на Таннера накричала женщина, а потом вlepила ему пощечину. Многие из находившихся поблизости туристов засняли эту сцену и выложили ее на «Ютьюб». Если Карла, Генри и Пауля застрелят, отрубят им головы, забьют камнями или заживо сожгут, велика вероятность, что и на это можно будет посмотреть в Интернете.

- Я больше не могу! - воскликнул Лео. - Знаешь, сколько раз меня за сегодня спросили, как мне в голову приходят такие идеи? Четырнадцать! И еще девять раз - о том, когда я предпочитаю работать: утром или после обеда. Восемь раз рассказали о том, как читали какое-то мое произведение в дороге - и в какой именно. Еда была отвратительной. Через месяц мне лететь в Центральную Азию. Я не в состоянии. Я откажусь.

- Прости, куда тебе лететь?

- В Туркменистан, кажется. Или в Узбекистан. Как будто кто-то может запомнить эти названия! Очередная писательская поездка.

- Почему ты вообще согласился? - потрясенно спросила она.

Лео лишь пожал плечами.

– Надо же посмотреть мир. Бросить вызов опасностям... Нельзя же их вечно избегать!

– Кого, опасностей?

Он кивнул.

Конечно, так реагировать не стоило. Вспоминая о том разговоре, она впоследствии спрашивала себя, что вообще на нее нашло – ведь до этого они ни разу не ссорились. Но в тот момент она просто не смогла сдержаться. Да что он вообще о себе возомнил? Он за всю свою жизнь еще ни разу не подвергался настоящей опасности – нет, он даже шнурки себе без посторонней помощи завязать не в состоянии! Боится пауков, боится летать, неспособен взять себя в руки, даже если поезд опаздывает! Разъезжать в машине под прикрытием бюрократов – да разве же это опасность? Это просто нелепо! Сил ее больше нет терпеть это бесконечное нытье!

Он внимательно смотрел на нее, не говоря ни слова; скрестив руки на груди, разглядывал ее почти что с любопытством. Она запнулась, охрипнув от крика, и замолчала. Гнев ее улетучился. Она оглянулась в поисках своего чемодана. Видно, так все и закончится; теперь ей придется уехать. Все кончено.

– Вот именно! – произнес он.

– Прошу прощения?

– Именно так все и должно быть, когда двое путешествуют вместе. Она несет всю ответственность, а он плаксив, эгоистичен и невыносим. Лара Гаспар и ее новый возлюбленный. Художник. Однако...

Он на мгновение умолк, словно прислушиваясь к внутреннему голосу.

– Однако она все равно понимает, что он гений. Несмотря ни на что.

Присев за маленький гостиничный столик, он принялся что-то царапать в блокноте.

Элизабет подождала, но, по всей видимости, Рихтер вообще забыл о ее существовании. Она улеглась в постель, укрылась одеялом с головой и спустя пару минут уснула.

Когда она очнулась, Лео все еще – или опять? – сидел на том же месте за столом. В окно пробивались бледные лучи утреннего солнца. Она смутно припоминала, что они и в эту ночь занимались любовью. Он улегся рядом, развернул ее на спину, и в полутьме под одеялом они слились воедино, утомленные, но охваченные некой странной яростью. Или все это ей просто приснилось? На память она уже не всегда могла положиться – видимо, виноват был посттравматический синдром. Но и признаться в своей забывчивости она не могла – Рихтер непременно бы этим воспользовался.

Лишь по прибытии в аэропорт она вновь связалась с Женевой. Мориц сообщил, что все трое, кажется, живы, и сейчас они пытаются собрать необходимую сумму для выкупа. У министерства нет на месте людей, которым можно было бы доверять, да и сам он не знает, на кого можно было бы положиться при ведении переговоров.

– Может, госсекретарь?

– Если все пройдет удачно, сегодня я с ним свяжусь.

– А где ты вообще?

– Даже не спрашивай. Долго рассказывать.

Элизабет опустила руку, в которой держала телефон. Лео уже занял место у гейта, хотя за стойкой еще даже не появился персонал. Она подала ему знак, но он отчаянно замотал головой и замахал руками, требуя наконец подойти.

– Перезвоню позже.

По прибытии их поджидала дама из германского культурного института по фамилии Ридерготт в толстом шерстяном свитере, очках с толстыми стеклами и забранными в пучок волосами. Вид у нее был такой, словно лицо ее было вылеплено из соленого теста.

– Герр Рихтер, скажите, как Вам в голову приходят такие идеи?

– В ванне, – произнес он, зажмурившись.

– А работать Вы предпочитаете...

– Исключительно после обеда.

Она поблагодарила его за разъяснения. На улице от земли поднимался влажный пар. С афишных тумб улыбался президент. Когда машина останавливалась на красный, на проезжую часть выскакивали полуголые ребятишки и принимались выкрутасничать.

– Я очень утомился, – произнес Лео. – Сегодня после выступления сразу же вернусь в гостиницу.

– Совершенно исключено, – отрезала фрау Ридерготт. – Нас ожидает посол. Будет роскошный прием, мы долго к нему готовились.

Добравшись до гостиницы, Лео позвонил в ПЕН-клуб и отказался от путешествия по Центральной Азии – не будут ли они так любезны пригласить вместо него, скажем, Марию Рубинштейн, ту, что сочиняет детективы? Она ему недавно признавалась, что не прочь была бы поработать. Сам же отправил ей смс: «Зовут в поездку, оч интересно, к сожалению, не могу, соглашайся, ПОЖАЛУЙСТА, я твой должник – ПРОШУ ТЕБЯ! Спасибо, спасибо, спасибо! Л».

Потом пожаловался Элизабет на фрау Ридерготт: надо же, какое лицо! Какая физиономия! Ничто ее не трогает! Вся раздута от гордости. Да бывают ли на свете люди хуже таких, как она?

– Да, – ответила Элизабет. – Бывают. Еще как.

После этого они занялись любовью, на этот раз не во сне, а наяву; впившись зубами ему в плечо, она на мгновение совершенно позабыла о своих пленных соратниках, а когда она так сильно уперлась ладонью ему в лицо, что он едва мог дышать, он и сам на пару мгновений забыл жаловаться и примечать все вокруг. Но вот все прошло, они вновь стали самими собой – и их охватило легкое

замешательство, словно они только что осознали, что почти не знают друг друга.

Вечером Лео выступал в резиденции посла. Присутствовали земляки, занятые в промышленности, экономике, несущие дипломатическую службу – зал был полон мужчин в костюмах и дам в жемчугах. Загородный дом был в точности таким же, как тот, где он был вчера, внизу точно так же простирался огромный город, и если бы погода не была еще жарче, а воздух – еще грязнее, можно было бы подумать, что и место было тем же самым. Лео говорил свободно, не по бумаге, слегка запрокинув голову, устремив взгляд в потолок. Речь удалась на славу, но Элизабет понимала, что он в бешенстве. Если б он только мог, он приговорил бы всех присутствующих к смертной казни. Прекраснодушием Лео не отличался и добра людям не желал. И это было настолько очевидно, что Элизабет вновь задалась вопросом, отчего никто этого не замечал, – и, как всегда, ей тут же стало ясно, что все вокруг были погружены в свои заботы и интересы, окутаны ими, словно коконом, и практически не замечали того, что происходит у них прямо под носом. Доклад был окончен; раздались аплодисменты, и, словно в кошмарном сне, повторился прием, точно такой же, что и предыдущим вечером. Кто-то представился ей как герр Рит, кто-то – как доктор Хеннинг; вновь возникла фрау Ридерготт, бледная от волнения, потому что рядом с ней теперь стоял сам посол, хлопал Лео Рихтера по плечу и интересовался, как ему только в голову приходят такие идеи. И кстати, он как раз начал читать его последнюю книгу, когда сидел в самолете рейсом из Берлина в Мюнхен...

– Как интересно, – ответил Лео, на лице его читалось все, что он в тот момент думал.

Посол кивнул.

– Вы у нас в первый раз?

– И в последний.

– Вот как, – ответил посол.

– Я убью вас, – процедил Лео.

– О, я польщен, – произнес посол. – Я знаю, вы в надежных руках.

И, улыбнувшись фрау Ридерготт, он исчез в толпе.

К ним выстроилась очередь. Господа и дамы жали ему и Элизабет руку. Кто-то был родом из Вупперталя, кто-то из Ганновера, Байройта, Дюссельдорфа, Бебры, а один весьма тощий и прямой, как палка, господин – из Галле на Зале. Прошло не так много времени, и Элизабет начала задаваться вопросом, не была ли на самом деле эта страна вообще населена исключительно немцами.

– Вот! – произнес Лео, сев в машину. – Вот во что превращается искусство! Все остальное – лишь иллюзия и пропаганда. Я всегда об этом говорил! Вот только не знал, что это и в самом деле так! – Элизабет заметила, как он побледнел. – Вот ради чего весь труд, вся борьба, все волнения, этому отдаешь всю свою зря растраченную жизнь! Ради того, чтобы тебя приглашали всякие бездушные люди, жали тебе руки – чтобы лемурам было о чем поболтать, прежде чем пожрать!

Сидевшая впереди фрау Ридерготт вздрогнула и обернулась.

– Ну да ничего, все не зря! – воскликнул Лео. – Дорогая фрау Ридерготт, это я так, вообще!

Той ночью, опять запершись в ванной, она наконец сумела дозвониться до госсекретаря. Сидя на унитазе, она прижимала к уху трубку.

На ломаном английском тот сообщил ей, что положение затруднительное и он, в общем, ничем не может помочь. Но даже если бы мог, это требовало бы совершенно непомерных затрат.

– Финансовых?

– В том числе.

– Это совершенно очевидно, – ответила она. – Но средства в распоряжении имеются. Невозможно недооценить всю важность вашего вмешательства, и, поверьте, мы будем вам весьма благодарны.

Госсекретарь ответил, что ничего не может обещать, но еще выйдет на связь.

Пробравшись на цыпочках в комнату, Элизабет налетела в темноте на тумбочку. На пол покотился стакан, и Лео проснулся.

- Бежим отсюда!

- Что?

- Не пойду я завтра на прием Внешнеторговой палаты. Я просто исчезну. Полетели к пирамидам? Всегда хотел их увидеть.

- Хорошо.

- Ну а что они мне сделают? Засудят меня? - тут Рихтер засомневался. - А они вообще могут? Ну, в теории, я имею в виду. Теоретически они могут меня засудить?

- Не думаю.

- Да, но могут ведь?

Элизабет опустила на подушки. У нее не было сил отвечать. Во тьме она чувствовала на себе его взгляд и понимала, что он хотел бы коснуться ее, но она так сильно устала, что даже не могла объяснить ему, насколько.

Наутро они уехали. Взяли такси в аэропорт, затем сели на ближайший рейс в сторону гор. На протяжении всего полета она уверяла его, что это ничем плохим не обернется, что никто не станет его преследовать и никого не сажают в тюрьму за то, что он, несмотря на данное обещание, не явился во Внешнеторговую палату. Под ними тянулась утопающая в зелени джунглей горная гряда, самая высокая из всех ею когда-либо виденных в жизни.

- Все как встарь, - произнес он. - Будто прогуливаешь уроки.

- Ты никогда не был прогульщиком.

- Тебе откуда знать?

– Значит, был?

– Каждый прогуливал школу.

– Только не ты!

Он отвернулся к окну и до самой посадки не произнес больше ни слова.

Воздух в горах был настолько разреженным, что было трудно дышать, а сердце с каждым шагом билось все сильнее. Дома и улицы переливались в лучах яркого солнца, заливавшего все вокруг, тени было не найти, и спустя всего несколько минут кожа начала изнывать от переизбытка света. Покуда такси, громко сигналивая, продиралось сквозь толпу людей, она прослушала сообщение от Морица. По всей видимости, передавал он, вмешались местные власти, ничего еще точно не известно: одни говорят, что заложников отпустили, другие – что они мертвы. Коллега обещал перезвонить, как только ему станет что-то известно.

Они оставили багаж в первой попавшейся гостинице и наняли гида. Их проводник оказался высок, суров и молчалив. Включив сотовый, Лео обнаружил семь посланий от германского культурного института.

– Кажется, у меня все-таки будут неприятности. Ты точно уверена, что они не могут подать на меня в суд?

«Еще один раз я услышу этот вопрос, – подумала Элизабет, – и мне уже на все будет наплевать. Еще один только раз, и я улечу отсюда первым же самолетом».

Но вопросы на этом прекратились – хотя бы потому, что Лео было нечем дышать. Они карабкались на гору вслед за гидом, со свистом втягивавшим воздух. Сердце у Элизабет колотилось, тяжесть физических нагрузок возобладала над страхом. Дорога пролегла по невысокой траве, то тут, то там к каменистому склону жались тонкие деревца. Слово из ниоткуда набежали тучи, воздух стал влажным, а свет – рассеянным, будто после множества преломлений. Затем начался дождь.

К тому моменту, как они добрались до пирамид, разразилась настоящая гроза. Грохотал гром, эхом отдаваясь среди утесов, над горизонтом, извиваясь, сверкали молнии, и все, что они могли распознать, были три каменных вершины, проступавшие сквозь дымку. Проводник замер, не шевелясь. Капли бусинками скатывались по его пластиковому капюшону.

- На самом деле все это меня не интересует, - произнес Лео. - Я просто пишу. Я изобретаю. А смотреть ни на что не хочу.

- А я не хочу попадать ни в какие истории.

Он обернулся и посмотрел на нее.

- Не превращай меня в образ. Я не хочу становиться героиней одной из твоих историй. Вот все, о чем я тебя прошу.

- Но это все равно была бы уже не ты.

- И все же. Даже если это уже не я, это все равно я. И ты это знаешь.

Дождь перестал. Не прошло и нескольких минут, как среди облаков проглянуло солнце. Пронизанный его лучами, туман рассеялся, и на поверхности огромных монументов неожиданно показались ступени. Долина, простиравшаяся у их ног, казалось, ушла еще глубже вниз, и у Элизабет возникло такое ощущение, словно хребет, на вершине которого они стояли, медленно устремился вверх. Где-то неподалеку журчал ручей. Элизабет задавалась вопросом, отчего ей вдруг так хочется плакать.

- Здесь убивали людей, - проговорил Лео. - Каждый месяц. Тысячами.

- И это никуда не делось, - ответил гид, не поведя и бровью. - Если закрыть глаза, можно это почувствовать.

- Вы знаете немецкий? Откуда?

- Изучал этнологию в Гейдельберге. Четыре с половиной года.

В это мгновение у нее зазвонил телефон.

Розалия отправляется умирать

Из всех моих персонажей она мудрее всех. Лет семьдесят тому назад Розалия была совсем юна, в школе училась на отлично, затем окончила педагогическое училище, сама стала учительницей, сорок лет преподавала. Дважды была замужем, у нее трое давным-давно взрослых дочерей. Розалия овдовела, пенсии ей на жизнь хватает, а насчет определенных вещей она никогда не тешила себя иллюзиями – поэтому вовсе не была удивлена, когда на прошлой неделе врач сообщил ей, что рак поджелудочной находится в неизлечимой стадии и жизнь ее теперь стремительно подходит к концу.

– Вы ведь хотели знать правду, не так ли, – произнес он с таким выражением лица, словно Розалия была маленьким ребенком и ей стоило гордиться тем, что взрослый человек доверяет ей настолько, что говорит с ней начистоту. – Хорошего могу сообщить вот что: сильные боли вас ожидают только в самом финале.

Она приняла новое положение дел практически с облегчением. Не пришлось ей и проходить через пресловутые семь стадий: не было ни возмущения, ни самообмана, ни медленной борьбы до самого принятия – лишь короткий период неверия, за которым последовала ночь, полная глубокой печали; наутро она уже полезла в интернет смотреть, где находится та самая швейцарская ассоциация, о которой она слышала, будто там помогают людям поскорее свести счеты с жизнью.

Вы, вероятно, знаете, что ассоциация эта и впрямь существует, я ее не выдумал, ее штаб-квартира находится в пригороде Цюриха. Впрочем, ее истинного названия мне адвокат все же посоветовал не раскрывать. В Швейцарии существует несколько организаций, оказывающих помощь в добровольном уходе из жизни, я имею в виду самую известную. Но если вы о ней еще не слышали, учтите: сказка – ложь, да в ней намек. В ассоциацию необходимо вступить, заплатить весьма немаленький членский взнос и предоставить медицинское заключение, просмотрев которое, их собственный врач может подтвердить, что надежды на выздоровление действительно нет никакой. Затем, прибыв на

место, клиент размещается на единственной имеющейся в распоряжении у этой организации площади – так называемой «квартире для отхода»: это комната с диваном, кроватью и столиком, на котором волонтер оставляет стакан с помещенным в него пентобарбиталом натрия. Его необходимо выпить, добровольно и без посторонней помощи.

Когда речь заходит о смерти, Розалию вряд ли можно чем-то удивить. Двоюродный брат ее первого мужа пустил себе пулю в голову, не потрудившись выяснить, насколько в реальности трудно убить себя таким способом и каков процент выживаемости. Угол выстрела был выбран неверно, и он еще несколько недель промаялся без нижней челюсти и в состоянии овоща. Сестра ее подруги Лоры четыре раза пыталась наглотаться снотворного. Всякий раз она принимала дозу побольше – и всякий раз приходила в себя в луже собственной рвоты и испражнений. Наш организм силен, а способность к выживанию у него выше, чем мы можем предположить в самые мрачные часы нашей жизни. Племянник Розалии Франк, родной брат Лары Гаспар, повесился одиннадцать лет тому назад. Шея его вся почернела от отметин, а на потолке остались глубокие следы от ногтей. В общем, нет ничего дурного в том, чтобы прибегнуть к помощи профессионалов, подумала Розалия и села на телефон.

На том конце провода трубку снял некий господин Фрейтаг. Говорил он негромко, вежливо, скорее даже учтиво – по всей видимости, опыт в такого рода беседах у него имелся.

Тут следовало бы упомянуть, что господина Фрейтага я выдумал. Сам я в эту организацию не звонил и не знаю, кто у них подходит к телефону и что говорит. Я даже собирался это выяснить, но всякий раз меня останавливал некий смутный страх и возникало такое чувство, словно я вот-вот совершу нечто непристойное – словно я вызываю духа, чтобы тот меня ублажал. Ну и вдобавок, я не отношусь к тому роду писателей, в творчестве которых все соответствует действительности. Кто-то, может, бывает и рад, если ему удастся исследовать материал до мельчайших подробностей, а вывеска магазина, мимо которого их персонаж как-то раз прошествовал, не обратив на него ровным счетом никакого внимания, воспроизведена в точном соответствии с реальной. Мне же это совершенно безразлично.

– Все очень просто, – произносит герр Фрейтаг. Он называет ей адрес и номер факса; от нее требуется лишь послать им медицинское заключение, и с ней тотчас свяжется психиатр, чтобы убедиться в ее способности принимать

осознанные решения. Затем по факсу ей направят заявку на вступление, которую необходимо заполнить; как только ассоциация получит от нее документы назад, можно назначать дату.

- Имеет ли смысл... - тут он впервые за весь разговор запнулся. - Имеет ли смысл говорить о срочности?

Розалия передала ему слова врача: речь идет о считанных неделях.

С того конца ответили, что в таком случае ее запрос будет обработан со всей возможной поспешностью.

Голос герра Фрейтага звучит невозмутимо - и в то же время в нем слышится участие. Он отлично справляется со своими обязанностями. «Ну а почему бы и нет, - думает Розалия. - Положим, в другом месте он мог бы зарабатывать и больше - но вдруг это и в самом деле его призвание?» Несмотря на обстоятельства, она даже чувствует нечто вроде благодарности.

Ночью ей снятся сны, какие не снились вот уже много лет. В венах пульсирует горячая кровь, а от чувственного возбуждения, воспоминания о котором после пробуждения чуть ли не повергают ее в шок, Розалию бросает в жар. Толпа народа вокруг, много шума, душные объятия. Вдруг возникают люди, о которых она уже лет пятьдесят не вспоминала - те, что, казалось, канули в Лету вечность тому назад; может, никого в живых и не осталось, кто помнил бы ее. Как же все это было давно. Видать, и впрямь пришел ее черед.

И все же она не может полностью покориться судьбе. А потому в этот ранний час Розалия обращается ко мне и молит о снисхождении.

- Но Розалия, это не в моей власти. Я не могу.

- Разумеется, можешь! Ведь это твой рассказ.

- Но это рассказ, в котором ты пускаешься в последний путь! Если бы не это обстоятельство, мне нечего о тебе было бы сказать. Этот сюжет...

- Мог бы принять иной оборот!

- Ничего другого мне в голову не приходит. Не в твоём случае.

Она отворачивается, но так и не смыкает глаз до самого рассвета. В этом ничего удивительного нет – в последний раз ей хорошо спалось более четверти века тому назад.

Проходит ещё несколько дней, так, словно бы ничего не случилось и у Розалии ещё много времени впереди. Страх постепенно отступает – или, вернее, он все ещё присутствует, но ощущения утратили остроту и обернулись неким ровным, тупым, давящим чувством, не сильно отличающимся от болей в животе, с которыми она уже столько времени существует, что не может даже припомнить, каково это – когда у тебя ничего не болит. Вот она – жизнь человека, разменявшего восьмой десяток: тут тянет, там жжет, вечный дискомфорт и скованность суставов.

Дочерям Розалия решила ни о чём не говорить. Надо быть реалистом и понимать, что они давно уже ждут её кончины. Она абсолютно уверена в том, что они подробно обговорили, на кого лягут заботы по организации похорон и где она должна упокоиться. Из чувства долга они не раз пытались уговорить её прислушаться к голосу разума и отправиться в дом престарелых, но, поскольку удовольствие это недешевое, а Розалия все это время неплохо справлялась сама, дочери не проявляли достаточной настойчивости. Так к чему было обременять их теперь? К чему устраивать семейные сходки, к чему слезы, объятия и прощания? Будет гораздо лучше и гигиеничнее, если о том, чего все давно уже ждали, их известят из Цюриха официальным письмом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kel-man_daniel/slava

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)